

Ирина Оганова

A stylized illustration of a woman in profile, facing left. She has dark hair and is wearing a white high-collared top with a black necktie. Her dress is a vibrant red, with a large, flowing section extending from the bottom left towards the center. The background is black with a fine, diagonal grid pattern.

**#ПАДЕНИЕ
В НЕИЗБЕЖНОСТЬ**

 ПИТЕР

Ирина Оганова

Падение в неизбежность

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57876686

Падение в неизбежность. / Ирина Оганова: Питер; Санкт-Петербург;

2021

ISBN 978-5-00116-527-9

Аннотация

Ирина Оганова – писатель, автор бестселлеров «Иллюзия счастья и любви», «Мы никогда не знаем», «Часы без циферблата, или Полный энцефалект», известный искусствовед. Три новеллы с глубокими пронзительными сюжетами, увлекательное повествование о судьбах героев, их взлётах и падениях, надеждах и сомнениях погружают читателя в неповторимый мир прозы Ирины Огановой. Автор уделяет трепетное внимание своему главному персонажу – безмолвному и величественному Петербургу – и яркими мазками, без фальши и манерности, рисует картину настоящей жизни, обыденное течение которой пронзают судьба, любовь и смерть.

Содержание

Счастливая	5
Гази из Кизляра	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ирина Оганова

Падение в неизбежность

Издательство не несет ответственности за доступность материалов, ссылки на которые вы можете найти в этой книге. На момент подготовки книги к изданию все ссылки на интернет-ресурсы были действующими.

© ООО Издательство «Питер», 2021

© Ирина Оганова, 2020

Счастливая

Тамара прыгнула на заднее сиденье новенького А8 и недовольно процедила:

– На Серафимовское, и цветы по дороге купить...

Водитель с дурацким именем Эдик бесил. Давно пора выгнать! Уже и задницу не поднимет дверь открыть, ещё и нагло подворовывает. Какой раз предъявляет двойные счета за

бензин! Скорее всего, берёт на заправке у тех, кому они не нужны. И в закупках на рынке пришлось отказать, чему он совсем был не рад. Купит самые дешёвые помидоры в ближайшем ларьке и убеждает, что брал на Владимирском, дорогие, понятное дело, самаркандские. Сколько ни дай денег – закончились! Какая мерзость!

Эдик был учтив, но помимо того что крал и придумывал всё новые схемы дополнительного заработка, ещё и вкрадчиво всем своим видом давал понять, что слишком много знает и, коли надумают уволить, молчать не намерен. Нет, Тамара его ничуть не боялась: духу не хватит – скользкий, но трусливый. Брать нового – дело хлопотное. Пока поймёт – куда и как, всю нервную систему измотаешь, ещё и непременно станет на часы поглядывать, когда отпустят. Эдуард жил один, ничем не связан и даже рад, если куда в ночное, на тусовку. Был по-своему симпатичным и беззастенчиво клеил Томкиных состоятельных подруг – вдруг какая клюнет.

С мужем отношения давно стали свободными, потихоньку и незаметно. Она знала, что живёт Максим своей жизнью, соблюдая правила приличия, и вечно в поездках по работе. Правда, какая работа на Сейшелах или в Париже?! Слух пошёл, что есть у него вторая семья и двое детей-погодков. Тома разбираться не захотела – противно. Ну есть и есть! Она жертва, и этим всё сказано. Никаких скандалов – себе дороже! Поначалу чуть головой не тронулась, не ожидала, что такое и её коснётся. Чистое позорище! Хорошо, ума хвати-

ло набраться терпения, а то по-разному бывает: воевать начнёшь, и неизвестно, где окажешься. Пытались ей серию фоток из инстаграма засветить, чтобы воочию увидела, с какой дешёвкой Макс связался и куда несметные богатства уплывают. Тамара не повелась.

У неё тоже всё складно, нет-нет и какие-то романы жизнь подбрасывает. Научилась правильно оценивать порыв молодых мужиков завести отношения со зрелой бабой. Никаких обязательств, содержать её не надо, одни плюсы. Молодых не смущает большая разница в возрасте, времена другие настали. Все получают свой кайф. Верить никому не верила, но без тепла жить не сумела, хотя порой и в дурные ситуации попадала. Но так было поначалу, когда от тоски и горя крыша ехала. Со временем научилась особо не обольщаться и долгосрочных планов не строить.

Выбор в цветочном был огромный. Долго думать не стала, купила красные розы. Она толком и не знала покойную, восьмидесяти пяти лет от роду. Обычная история. То, что люди умирают, она понимала, но на похороны ходить не любила. Собрались близкие, и то не всем составом – видно, ничем выдающимся дальняя родственница не обладала, жила-жила и тихо закончила свой путь, никого особо не затронув своим уходом. «Не дай бог вот так же незаметно сгинуть! Интересно, сколько людей ко мне придёт? Максим будет сожалеть, или как я сейчас?» Стало грустно.

«Ну Славка понятно! Столько в него вложила, в оболту-

са! Хотя тоже не факт! Тяжёлый возраст, когда подростку кажется, что никто ему из родителей особо не нужен и он сам по себе, самостоятельная единица, имеющая право на собственное мнение. Любой совет вызывает раздражение. Порой так ремня всыпать охота! Так куда там, на голову выше и дерзит по любому случаю. Совсем отделились! Надо было следом второго рожать, может, и третьего. Правда, никто не дал бы гарантий, что это и есть залог спокойной, счастливой жизни. А из мужиков кто-нибудь придёт?» Это было её любимое:

– Что, если я вдруг умру?

Понятно, все как один:

– Каждый день приходиться буду! Не смей говорить об этом! Ты разбиваешь мне сердце!

Может, и не ввали, но верилось с трудом.

Старушка выглядела не очень, на лице застыла маска обиды, а по жизни вроде слыла человеком добрым и приветливым. Тамара стояла молча в сторонке и разглядывала свои чёрные лакированные лодочки. Она давно научилась одеваться по случаю, и чёрный твидовый костюм по фигуре эффектно подчёркивал все изгибы тела и копну свежевыкрашенных блондинистых волос. Кое-кто из родни поглядывал косо: «Вырядилась!»

«Завидуют! – была уверена Тамара. Она подошла поближе к отцу с мамой. – Как постарели! И это за какой-то год! Чему удивляться, обоим за 80!» Видно было, что пережи-

вают искренне: мама тихо роняет слёзы, отец крепится, и в глазах испуг.

«Наверно, представляют, что и их черёд не за горами?» – от этой мысли ей стало не по себе и почему-то вдруг очень жаль усопшую. Ведь когда-то и молодая была! Представить было сложно. Она и себя не могла вспомнить беззаботной молодой девчонкой, словно утратила связь с прошлым и всегда являлась той, какая есть в данный момент.

Странно, почему почти на физическом уровне пропадают все ощущения себя прежней? Болтовня, что в душе ты всё та же девчонка! Это лишь защита от самого большого разочарования – невозвратности и неповторимости. И что так на душе мерзко?

– Пап, я на поминки не поеду. Не обижайтесь только! Ну что ты сделал такое лицо?!

– Томочка, так это неудобно как-то. Все же свои.

Сергей Валерьянович был всегда главным в переговорах с дочерью. Мама, Оксана Леонидовна, давно уже никуда не лезла и не от повышенного чувства либеральности, скорее от нежелания разбираться в тонкостях Томиного характера, надоело. Её жизнь казалась Оксане Леонидовне странной и непонятной, в особенности отношения с Максимом. Как можно находиться в браке и жить каждый сам по себе! Она ничего не высказывала, но была уверена: и Томиной вины предостаточно.

«Слишком много свободы дали друг другу. И главное, ви-

ду ведь не показывает! Как ни позвони, нет мужа дома. Останется одна, допрыгается! Может, сейчас это в порядке вещей? Глядишь, ещё немного, и многожёнство разрешат. А что, если такое творится сплошь и рядом! Мужики всегда гуляли, не секрет. Но чтобы так открыто и беззастенчиво! Такого не было. И семью разрушить боялись, детей своих жалели. Разводиться стыдно было! И откуда это всё взялось?! Ну первый раз у Томочки не получилось семью создать, молодые, дурные. Максим вроде всегда хорошее впечатление производил. Это всё девки, вконец обнаглели, на всё готовенькое норвят! Твари!» – Оксана Леонидовна с грустью оглядывала дочь.

– И куда это ты собралась? Опять без толку по городу болтаться? Что у тебя за жизнь, Том!

– Жизнь как жизнь! – хмыкнула Тамара, обняла по-быстрому своих стариков, кивнула всем присутствующим и, не оборачиваясь, пошла по главной аллее к центральному выходу.

Удивительно, сколько зелени кругом, и деревья такие жирные, похлеще чем в любом парке! И почему на кладбищах так всё благодатно растёт? На даче за каждым кустом ухаживать надо, чтобы не захирел, а тут всё само собой. Чудеса!

Она ещё подростком сюда часто навещалась, жили-то совсем поблизости, на Савушкина. Одна шла, как манило что, на кресты да памятники заглядывалась, и страшно ста-

новилося – не могла в голову взять, как вот так жил человек, жил, и вдруг его совсем не стало. Всё по-прежнему: и зима, и лето, и ландыши цветут, и мороженое эскимо у метро с лотков – а человека больше нет и никогда-никогда больше не будет! Всё ответы искала и не находила, и нет-нет да опять на Серафимовское тащится.

Неожиданно свернула на тонкую тропочку, пройтись между могил – как потянуло что-то, – всё равно к выходу дорожку найдёт. Сухая земля травой невысокой покрыта, вытоптала, видно, – хоть каблучки не проваливаются, идти можно. Листва едва шелестит над головой, по-особому, словно тихая, едва различимая музыка, и только в таких местах её и услышишь. Она, как прежде, скользила взглядом по могилам, попадались и совсем свежие, с ворохом ещё не засохших цветов и зловещими венками с чёрными лентами. «Что это я удумала? Пора выбираться, далеко забралась».

Она сделала ещё несколько шагов и полезла в сумочку за телефоном предупредить Эдика, чтобы у входа ждал, обязательно ведь куда-нибудь пойдёт кофе пить. «Как надоел! Это он обо мне думать должен, а не я отслеживать, на месте он или нет! И что с настроением?! Не мой день!»

Решила пробираться к основной аллее напрямик, так быстрее, и старалась больше ничего не разглядывать, одно волнение. Уже виднелась широкая заасфальтированная дорога и зелёная деревянная церковь Серафима Саровского с позолоченными куполами на фоне ясного неба с редкими

рваными облаками. В Питере особое небо, каждый день разное, словно разговаривает с тобой. Может, оттого что так мало солнечных дней, все вглядываются в него, пытаюсь распознать, что ждёт завтра: унылый дождь, ветер или всё-таки солнце, пусть и ненадолго. Хотя что там завтра, питерская погода, как искусный иллюзионист, несколько раз на день поменяется, к удивлению горожан, которые никак не привыкнут к таким выкрутасам.

Неожиданно наступила на маленький камушек, чуть ногу не подвернула. «Неужели каблук попортила?!» В полушаге скамеечка старая, вроде чистая. Присела. Всё на месте, только крошечная царапина на чёрной лакированной коже. Сущая ерунда! Невольно упал взгляд на гранитную плиту напротив. Татьяна Александровна Тихомирова.

Не по себе стало: вот что-то знакомое в имени, а кто это, понять не может. Фотография в иссохшей деревянной рамке, обтянутая прозрачной плёнкой, сильно пострадала, и разглядеть лицо было практически невозможно. Могила выглядела крайне запущенно. Особенно нелепо смотрелся огромный полуистлевший искусственный цветок, похожий на алый мак, который кто-то надёжно воткнул рядом. Наверно, совершенно случайный прохожий шёл мимо и пожалел уже совсем никому не нужного человека.

Она повторяла и повторяла:

– Татьяна Тихомирова, Татьяна Александровна Тихомирова... Таня! – Тамара наконец вспомнила её, и фотография

начала оживать...

Они познакомились случайно, когда Тамара первый раз вышла замуж и переехала к родителям Михаила с Васки на Петроградку. Выскочила по глупости, и трёх месяцев не провстречались. Время такое было: чуть перевалило за двадцать, нужно определяться, иначе не по-людски как-то, и от предков устала, одни нравоучения. Миша учился в Горном институте, сын известного археолога, видный и, оттого что рос в интеллигентной семье, начитанный и язык подвешен, кого хочешь уболтает.

У Тома родители – потомственные питерские врачи, вроде ровня, один круг. Поначалу Тамаре казалось, что она искренне влюблена в галантного молодого человека, и лишь совместная жизнь показала, что любить-то его было вовсе и не за что. Михаил совсем не понимал, что супружество накладывает некие обязательства, ограничений не признавал и частенько заваливался подвыпивший, а то и оставался не пойми где и с кем. Тома по горячей молодости закатывала истерики и лила слёзы.

В лице свекрови участия не находила, у той всегда Мишенька прав – ну с друзьями засиделся, эка невидаль! Её твёрдое убеждение, что мужчине нужна свобода, на то он и мужчина, – Томе было неведомо. В её семье такого отродясь не случалось. Папа всегда с работы домой спешил и сам нервничал, если мама задерживалась хоть на полчаса. У Миши вроде так же, но, видно, были и совсем другие времена,

когда его отец ни в чём себе не отказывал, – понятное дело, вся жизнь в экспедициях, а там свои нравы и устои. Тому мама предупреждала: все археологи к женскому полу нестойкие и выпить горазды, и гены – вещь упрямая, обязательно проявятся.

Одно утешало: Миша был нежен, ни одного резкого слова, и коли перегнёт палку, не знал, как подлизаться, становился ручным и домашним, но ненадолго. Тома отходчивая, не может обиду держать – поворчит и простит. Посоветоваться не с кем, такое подружкам не расскажешь, и родителей волновать не хотелось: знала, мать обязательно припомнит, как советовала получше приглядеться к сыну археолога. И откуда возникло такое предубеждение против археологов?! Видно, был некий опыт, только скрывала мама это глубоко в памяти, но обида чувствовалась, и за те три года, что Тома побывала в замужестве, так и не нашла общего языка с родителями Михаила и на родственные отношения не шла, даже отец удивлялся, откуда такое противление.

Татьяна Александровна, в дальнейшем просто Танечка, жила этажом ниже, вернее, не жила, а периодически сожительствовала с молодым парнем, спортсменом, и квартира принадлежала именно ему. Разница у них была приличная, он чуть ли не вдвое младше, по тем временам ситуация непозволительная, и такая связь могла вызвать лишь насмешку и порицание. Парень, то ли Саша, то ли Серёжа – уже и не вспомнить, – частенько уезжал на сборы и соревно-

вания, был известен, и Татьяна появлялась в их доме накануне его очередного приезда, нагруженная провиантом, явно с Сытного рынка. Тамара не раз сталкивалась с ней на улице, когда та, умело припарковав небольшую иномарку, вытаскивала сумки с продуктами из багажника и, гордо выпрямив спину, ритмично цокая шпильками, направлялась к подъезду. Казалось, её ноша ничего не весит, так грациозно она ступала по асфальту, оставляя за собой шлейф невероятного дурмана. Нельзя сказать, что выглядела Татьяна Александровна гораздо моложе своих лет. Нет... Но очень убедительно! Одним словом – роскошная женщина, ни убавить, ни прибавить. Поражала манера одеваться. В её облике не было ничего от повседневности, всё нарочито точно подобрано по всем канонам классики и очень по-праздничному. У неё была отличная фигура, прекрасный рост, роскошные каштановые волосы, большие киношные очки, а главное – величественная осанка. Что делает с ней молодой парень, пусть будет Серёжа, Томе удивительным образом было понятно, но вот зачем этакой королеве, пусть и не юной, подобные приключения, в силу своего возраста понять не могла. Не смущало даже то, что, по всей вероятности, Татьяна была плюс-минус ровесницей её матери, но словно с другой планеты, где возраст проявляется несколько иначе, чем на Земле.

Тамара хорошо запомнила их первую встречу. Поздняя осень... На улице холодина невероятная... Тома на улицу выскочила, не выдержала обиды, когда в очередной раз по-

няла, что Михаила скоро не жди. Просила ведь не задерживаться: на ДР идти к подружке. А он опять пропал и даже не отзвонился, и его мать демонстративно проследовала в свою комнату, чтобы не лицезреть Томкины страдания. На кухне отец-археолог чай пьёт, в неведомом мире, как обычно, пребывает, впору плюнуть на всё и к родителям податься или на худой конец к подруге без Михаила на день рождения завалиться и так, чтобы до утра. Поревела, поревела, побродила по району и назад потопала. Так случилось, что именно в это время подъехала Танина иномарка и зашли они вместе в парадную. Поднимаются на лифте, Тамара лицо зарёванное прячет, а та, наоборот, смотрит на неё, словно изучает. Уже притормаживать лифт-тихоход начал, незнакомка возьми да спроси:

– Что за горе случилось у такой молодой красивой девушки? Неужели бывают в ваши годы какие-нибудь огорчения? Обидели? Не принимайте близко к сердцу. Всё однажды проходит. Вы ведь в этом доме живёте?

– В этом... – шмыгая носом, промямлила Тома, не решаясь взглянуть на совершенное существо.

– Если не заняты, приглашаю в гости... Руки подать не смогу. Все заняты. Татьяна Александровна. Можно просто Татьяна.

– Тамара... Ой, давайте я вам помогу!

И растерялась от неожиданного предложения, да ещё и в такую трудную минуту.

– А это удобно?..

– Конечно, удобно, – Татьяна протянула одну сумку и засмеялась.

У Томи глаза мигом высохли и печаль улетучилась, не могла поверить, что такая видная особа вот так запросто в гости позовёт. Татьяна Александровна, на лету изящно откинув волосы, сбросила лёгкую норковую шубку дымчатого цвета и, как была, в туфельках на каблуках, направилась на кухню.

– Ну что ты там стоишь? – крикнула Татьяна. – Раздевайся... Оглядишь пока.

Тамара кряхтела, стягивая тёплые башмаки, стараясь не сдвинуться с небольшого коврика, чтобы не наследить. «И как можно в такую холодину в туфлях?!» Не приходилось ей такого встречать. Правда, эффектно невыносимо – шуба, в которой вроде ещё рано – снега-то нет, – и лодочки на тонкие бежевые колготки, может и чулки. Чудно!

Квартира представляла собой одно пространство, все стенки были сломаны, только кухня с санузлом отдельно. Это только-только входило в моду и было приемлемо максимум для двоих, дети тут явно не предполагались, и какие дети, Татьяне за сорок, не иначе. Ремонт был совсем свежий, и всё подобрано со вкусом и к месту, и лишь золотые и серебряные кубки хозяина нарушали гармонию минимализма.

– Уютно у вас, по-модному, ничего лишнего.

Томе нравилась такая роскошная простота, и у себя бы по-

старалась повторить нечто подобное. Правда, на какие шиши?! Миша только институт окончил, она на последнем курсе. Когда ещё на ноги встанут. Об отдельной квартире Тамаре приходилось только мечтать: никогда мать Михаила не захочет потерять контроль над всем, что происходит в жизни единственного сына. Даже краснела как рак, если невестка заводила разговор на подобную тему или отец Тамарин заикался, что готовы поднатужиться или разменяться, но закрыть вопрос с отдельным жильём для молодых.

– Это Серёжина квартира. Я ему с ремонтом помогала. По-моему, прекрасно получилось, – прервала Татьяна тяжёлые Томкины думы. – А сама живу на Радищева, сюда лишь навещаю. Сергей всё время на сборах.

– Я знаю. Да его здесь все знают. Он вроде и чемпион какой-то, муж говорил. Я сама в этом не очень разбираюсь. Вроде, конькобежец... Крепкий парень. Одни ноги чего стоят!

– Да, ноги у него что надо! – заулыбалась Татьяна. – Кофе хочешь?

Тамаре было необыкновенно легко, вроде совсем незнакомый взрослый человек, а общается запросто, без превосходства, как с равной. И голос удивительный, низкий, но очень тёплый, как окутывает, заслушаешься.

– Ну рассказывай, что стряслось?..

Так началась их дружба, может, не дружба вовсе, а некие доверительные отношения, и непонятно было, кто в них

нуждался больше, Тамара или Татьяна, Татьяна Александровна... Томка бегала к ней на этаж ниже весь год, как только она приезжала в их дом, и ни разу, если появлялся Сергей, – так было заведено. Таня лишь обозначала:

– Буду занята... Созвонимся.

И исчезала на неопределённое время. Иногда она наблюдала из окна, как Татьяна с Сергеем выходят из парадной и расходятся, как чужие, к своим машинам. Странно, но Тома никогда не встречала их вместе, а ей нестерпимо хотелось увидеть всё своими глазами, рядом, чтобы до конца понять, что их связывает и настоящее ли это. Однажды она не выдержала и попробовала начать разговор издалека.

– А как вы познакомились с Серёжей?

– Случайно... В самолёте. Летела в Москву по работе.

Работала Татьяна в Комитете по культуре и что-то там решала, не рядовой сотрудник. Тогда больше ничего не удалось у неё выпытать. Ещё Тамара знала, что живёт она на Радищева с шестнадцатилетней дочкой и пожилой матерью бывшего мужа, с которым не так давно разошлась, по какой причине, непонятно, спрашивать неудобно, хоть и интересно, у самой ситуация на грани. Зато о своих многочисленных знакомых артистах кино, балета и эстрады могла говорить без умолку.

– И Пугачёву знаешь?

– Конечно... – загадочно улыбалась Татьяна.

– И какая она?

– Да такая же, как ты, только старше и поёт.

– Скажешь тоже!

– Ну я образно. Великая женщина, сильная. Таких не часто делают. Живёт смело...

Тома слушала зачарованно, ей всегда казалось, что все знаменитости – небожители, а оказывается, что ни на есть обычные люди и всё у них ровно так же, как и у простых.

Хотелось быть такой, как Татьяна. Всё нравилось, и Тома словно на повышение квалификации к ней ходила, училась, как говорить, какие интонации в речи делать, как сидеть на стуле нога на ногу, чтобы при этом казалось, что словно паришь в воздухе. Татьяна даже чашку с кофе держала по-особенному. Тамара подолгу вышагивала дома по коридору к огромному зеркалу, которое висело в прихожей, копируя Таннину походку, и каждый раз расстраивалась, понимая, что до оригинала ей как до луны. Но больше всего поражала Таннина способность пребывать всегда в отличном настроении, словно в её жизни всё случается ровно так, как она захочет, как задумала и никак иначе. Именно она убеждала Тамару, что уйти от Михаила есть единственно правильный выход:

– Ты только время теряешь. Сколько будешь ждать? До старости, когда он, потасканный неудачник, присмирееет окончательно и будет лишь использовать тебя, прикрываясь ласковыми словами. Посмотри на себя в зеркало. Ты красавица! Нельзя идти на поводу у предрассудков, что другие про тебя подумают или что родители скажут. Надо уметь решения принимать и твёрдо говорить, что тебя не устраивает

и с чем ты больше мириться не намерена. Смешно же сто раз подряд прощать за одно и то же. Неуважение это к себе!

Тамара слушала, в голове откладывала, понимала: права Татьяна, во всём права, как ни посмотри.

– А как же я к тебе сюда приходить буду? Ну, если уйду от них...

– Нашла причину! Как приходила, так и приходить будешь. По собственному желанию. Тебе отчитываться ни перед кем не надо.

– Неудобно как-то... Вдруг столкнусь с кем-нибудь из их семейства? – Тома ещё никуда не ушла, а уже сильно испугалась такой перспективки, даже голос дрогнул.

– Поздороваешься и своей дорогой пойдёшь. Если умные люди, то поймут... О себе думай!

Тамара ушла от Михаила, как говорится, в один день – и не к родителям, а к Максиму. Случай вышел. После работы стоит автобус ждёт – «бээмвэшка» новенькая притормаживает. Парень изогнулся, соседнее окно в машине приоткрыл и лыбится, довольный. Приличный с виду, не отморозок.

– Садись, подвезу! Сейчас дождь начнётся.

А дождь действительно уже накрапывать начал. Тома, как назло, зонтик на работе забыла. Делать нечего, лучше прыгнуть в красивую машину к незнакомому парню, чем промокнуть до нитки.

Надо сказать, она совсем другая стала и часто на неё мужчины заглядывались. Всё Татьяна! Мало того что всему на-

учила, так и столько ей шмоток своих надарила! Тамаре поначалу неудобно было, потом с радостью принимала, от души Татьяна всё делала, широкая натура.

Максим сразу всё на свои места поставил. Не стал долго канительиться – либо муж, либо он, другого не дано. Откуда столько смелости взялось?! Собрала вещи и ушла, не попрощавшись, хорошо момент выдался, никого дома не было, даже записки не оставила. Татьяне про Максима ничего не говорила, да и случая не было, та вечно занята и давно в их доме не появлялась, и Сергея не видно, значит, в отъезде. Честно говоря, Томку всегда чуть подбешивало, что могла Татьяна вот так взять и пропасть. Ещё не дай бог позвонить, побеспокоить – сухо ответит, как обухом по голове:

– Извини, я занята!

Тамара не раз пыталась возразить, что странно так с друзьями поступать. Хотя какие они друзья?! Так... собеседники... Таня в дебаты никогда не лезла, коротко, но доходчиво обозначала свою позицию:

– У тебя своя жизнь должна быть. Нельзя ни на ком повиснуть и висеть. Каждый свободен и в своём праве.

Мишка как понял, что на этот раз никакими подлизами не обойдёшься, засуетился не по-детски. Обрывал Томкиным родителям телефон, ездил к ним беседы разводить. А они толком не знают, куда их дочь подевалась, звонила пару раз, просила не паниковать:

– Всё хорошо, так надо.

Честно говоря, от Тома они такого не ожидали, не похоже на неё, чтобы вот так взять всё бросить и уйти, даже не к ним, а непонятно куда.

– Это ты во всём виноват! – упрекала мужа Оксана Леонидовна. – Ты всегда ей во всём потакал!

– Так она уже не девочка, Оксаночка! – как мог защищался Сергей Валерьянович.

– Так я и не про сейчас говорю! Это же ты с малолетства был для неё путеводной звездой, а я лишь требовательной занудой! – не унималась Оксана Леонидовна. Так что ничего вразумительного Михаилу они объяснить не могли и что в утешение сказать, тоже не знали, хотя он, как есть, про все свои грехи поведал, но измену отрицал и корил себя нещадно. Клялся всем на свете, что не повторится такое никогда, лишь бы Томочка вернулась. А его предки от всего отстранились, поняли, что бракоразводный процесс не за горами. И так удивлялись, что несколько лет их сынок продержался, в семью поиграл, хорошо хоть дети не случились.

Тамара вовсе не жалела потраченных лет, для чего-то они ей даны были, как на целую жизнь поумнела. Всё налаживалось, не на что жаловаться. С Максом хорошо, деятельный, жизнь красивую любит, и деньги к нему со всех сторон липнут. Щедрый, Тамара такой жизни сроду не видела. Может запросто в бутик зайти и кучку вещей отложить на одобрение Максима.

Татьяна объявилась лишь через несколько месяцев – мать

бывшего мужа хоронила. Её дочка Соня тяжело смерть бабушки перенесла, странная вроде девочка была, как в детстве застряла. Татьяна не сильно по этому поводу распространялась, видно, проблемы не сегодня случились. Тома никогда её не видела, только на фотографиях. Симпатичная, вся в мать. Соня хоть и в университете училась, но совсем не самостоятельная, и часто странные страхи её посещали – то задыхается, то больна смертельной болезнью, – отчего часто в себя уходила или истерики закатывала. Бабушка как-то с ней справлялась, Татьяну не волновала, хорошо к невестке относилась, как к родной, может, и больше сына любила, редкое дело. Одно понятно, трудно стало Тане на два дома жить.

– Знаешь, у меня плохо всё с Сергеем...

– Как плохо? Что случилось?

Тамара никак не ожидала, что Татьяна вдруг сама начнёт о нём рассказывать. Иногда казалось, что Сергея просто не существует в Таниной жизни, словно придуманная история, лишённая осязания.

– У меня не пойми что сейчас происходит: и работа, и Соня, и он. Я ведь, как раньше, не могу столько времени ему уделять. Если приеду, то только и думаю, как там Соня. Мне по-хорошему давно надо было её к психиатру отвезти. Всё гнала от себя такие мысли. Надеялась, перерастёт, и всё наладится. А сейчас всё как обострилось. Училась всегда отлично... Может, поэтому я так легкомысленно ко всему от-

неслась. Она и дома ночью оставаться одна боится. Спрашиваю: «Чего боишься?» Отвечает: «Всего!» И если я у Сергея остаюсь, не спит до утра, на кровати сидит и тупо в окно смотрит. Я однажды её так и застала – чуть с ума не сошла от боли... И стыдно так, что оставляю одну в таком состоянии. Так что не сегодня завтра закончатся мои отношения с Сергеем. Не выдерживает он и интерес ко мне потерял. Потом... Да что говорить?! Ты же и сама всё понимаешь. Не было у нас будущего с самого первого дня. Всё знала наперёд. Думать об этом не хотелось. Слишком счастливая была.

На Таню трудно было смотреть, потерянная и на себя прежнюю не похожа, даже постарела как-то, и в глазах уставших слёзы стоят.

– Так ты его любишь... – вырвалось у Тамары.

– Я из-за него от мужа ушла буквально через пару месяцев, как с Сергеем познакомилась.

– Так плохо с мужем жили?

– Да нет. Прекрасно... Просто голову снесло. Думала, всё уже, теряю себя прежнюю. Морщинки вокруг глаз, тело как чужое, и все остальные признаки увядания... Ты не поймёшь меня сейчас! До этого дожить надо. А тут Серёжа. И так влюбился сильно, и всё ему нравится, и нет разницы, сколько мне лет и что у меня не так. И секс, которого я и в молодые годы не знала. А казалось, прошла огонь, воду и медные трубы, – Татьяна как вспомнила что-то и сама себе невольно заулыбалась. – Он мне глаза открыл, словно я как женщина и

не жила до него. Не могла мужу врать, точно себе вру.

– И что? Муж взял и так просто отпустил тебя?

– Нет, не просто. Сначала убеждал не делать глупости. Потом возненавидел, как самого заклятого врага. Он меня боготворил. Когда так любят, нет середины. Вскоре в Америку уехал и остался. У него там родственников полно. На похороны не успел приехать, где-то на островах застрял. Там связи не было. Вроде через пару недель приедет на могилу к матери и Соню повидать. Давно не виделись.

– А как мама его на это? Всё же перед глазами. Сын ведь родной.

– Только сейчас стала понимать, как нелегко ей было. Ни одного упрёка, ни одного совета. Она очень Соню любила, и всю себя ей посвятила, и в Америку ехать отказалась. Не знаю уж как, но ко мне с пониманием отнеслась. Удивительная женщина. Мудрая. Считала, кому что уготовлено, то и пройдено будет, только платить за всё придётся, зайцем не прокатишься.

– Может, ты к нему вернёшься? Если так любил, то и простить должен.

– Не говори глупости. Он даже имени моего слышать не желает. И я не хочу, – Татьяна махнула рукой и постаралась улыбнуться прежней счастливой улыбкой.

– Что мы всё про меня да про меня. У тебя-то как жизнь? Я понимаю, от Михаила ты всё-таки ушла, и по тебе видно, что кто-то появился, ещё и балует. Другая стала! Хочешь,

я шампанского открою? К приезду Сергея купила, думала, вместе выпьем. Так он позвонил сегодня, сказал, что сначала в Москву на несколько дней летит, с друзьями встретиться хочет. А я столько всего набрала! Может, возьмёшь себе хоть что-нибудь? Пропадёт, жалко... А я думаю, Том, чувствует он себя уже свободным, обидеть не хочет. Он и со мной больше не может, и без меня всё ещё трудно. Я бы сегодня ушла раз и навсегда. Его жалею. Само на нет сойдёт.

– Откуда в тебе столько силы, Тань? Я б с ума сошла.

– Разве это силы?! Надо было силы найти не идти на поводу своих страстей! Но как подумаю, что судьба мне на несколько лет подарила, – ни о чём не жалею и ни от чего бы не отказалась. И его ни в чём не виню. Он, когда обещал, что до конца со мной будет, слепо ведь верил в это, и не было обмана в его словах. Я уверена, и он ни о чём не жалеет и мучится оттого, что всё у него прошло ко мне, словно я балласт какой, дорогой, только уже бесполезный и неприменимый.

Тамаре очень хотелось сказать что-нибудь утешительное, но всё, что вертелось на языке, казалось до бесстыдного нечестным. Нет таких слов, не существует... Она бы никогда не смогла быть настолько великодушной к Сергею. «Обманщик и предатель! Взял, что мог, от Татьяны, как клоп, насосался и отвалил. Ничуть он не переживает, просто хочет лицо своё сохранить. И ведь самый неподходящий момент выбрал!»

Тамара знала, что не скажет о Сергее ни одного дурного

слова, Татьяна не позволит. Промолчала. Самой так захотелось увидеть его случайно где-нибудь в городе, подойти и бросить в лицо самое обидное, что только на свете бывает. А если поглубже подумает, то обоим жалко, и злость к Сергею мгновенно улетучивалась.

После этой встречи Тамара года три с ней не виделась. Сначала звонила, но Таня вежливо, в свойственной ей манере, ссылаясь на занятость, обещала перезвонить и опять терялась во времени. Потом родился Славик, и Тамара с головой окунулась в новые заботы.

С Максом тихо расписались, ещё когда на последних месяцах ходила. Отдать должное, он сам предложил узаконить отношения. Может, из-за ребёнка... Не сказать, что была между ними бешеная любовь, но на чём-то всё держалось. Тома и не понимала уже, что такое любовь и какая она должна быть. Вроде как удобное сообщество двух людей, объединённых общей целью – детей растить и добра наживать.

Родителям Макс нравился: внимательный, всегда с букетом для мамы, если в гости заезжают, и с отцом в нарды сразится. Уважал папино пристрастие, никогда не отказывал, сам больше покер любил, и если уж играть, то обязательно на деньги. А какие с отца деньги! По стопочке всегда выпьют, по душам поговорят о том, что развалили могучую Российскую империю и в стране порядка нет, вроде перестройка давно закончилась, а многие так перестроиться и не сумели, озлобленные стали, что дальше будет, и чёрту неведомо. Рас-

пинался больше Макс, отец лишь одобрительно кивал, терпимый, любое мнение принимал, оттого, видно, и врач стоящий, что ничем другим голова не забита. Сам Максим с Камчатки, своих редко видел, раз в год к ним летал, не чаще. Может, поэтому и любил к Томкиным в гости ездить, что по родным тосковал. Они в Питер не могли, мать давно ногами маялась, не осилила бы дорогу, а оставить её одну отец никак не мог, как связаны одной ниточкой...

Тамара очень хорошо помнила тот день. Славику прививку сделали, и он к вечеру закапризничал и температуру высокую выдал. Испуганная, позвонила врачихе, та успокаивает:

– Ничего страшного, обычная реакция, дайте жаропонижающее и пить побольше.

Славик пропотел, посопел и заснул. У Тома на душе полегчало, и на счастье Макс рано с работы пришёл – когда он рядом, ей всегда спокойней было. Уже хотела в ванную идти, ко сну готовиться, нанервничалась за день – звонок. Не ожидала она услышать Танин голос и не сразу её узнала, даже переспросила:

– Тань! Это ты, что ли? Что случилось?

Тома и представить не могла, что Татьяна плакать умеет, да ещё так. Страшно стало. Было понятно, что нет у неё сил произнести ни слова, словно рот ватой набит, ничего не разобрать.

– Танечка, милая! Успокойся, пожалуйста! Ну скажи нор-

мально, что стряслось?

Только и поняла Тамара, что просит она её и не просто просит, а чисто умоляет прямо сейчас приехать на улицу Радищева. Вроде совсем недалеко ехать, так ведь Славочка недавно заснул и неизвестно ещё, как Макс на всё посмотрит. Хотелось на завтра встречу перенести: и нянька будет, и с малышом всё ясно. Так ведь именно сейчас нужна. Нельзя отказать! Тома много Максиму про Татьяну рассказывала, не знал её лично, но понимал, что не чужой она ей человек, согласился, раз надо – значит, надо, и такси сам заказал.

– Только ты долго не засиживайся! И отзвонись обязательно, что нормально доехала. Вот неладная!

Тамара по-быстрому переделалась в спортивный костюм, нацепила сверху ветровку Максима и побежала по лестнице. В голове одна мысль: что же такое могло приключиться? Может, с Сергеем что? Другое ничего на ум не лезло, только по нему она могла так убиваться. Дело было не в Серёже, с ним Таня рассталась ровно через год после их с Тамарой последней встречи. У него появился кто-то в Москве, и он, как есть, всё рассказал Татьяне. Она думала, что готова к этому, но втайне от себя надеялась, как делают в подобной ситуации почти все – верят, хоть верить уже не имеет смысла. Дело было совсем в другом, в самом страшном, что могло с кем-либо произойти.

Тома первый раз переступила порог большой квартиры на Радищева и сразу ощутила гнетущую тишину, словно весь

мир утратил звучание. Может, оттого, что почти все окна выходили во двор, в глухой питерский колодец. Всё кругом выглядело мрачным и бесцветным. Тамара и этому нашла объяснение – горели лишь тусклая лампа в прихожей и одинокий торшер, который отбрасывал немного света из гостиной.

– Почему так темно? – Тамара уже потянулась к выключателю.

– Не включай свет! – почти закричала Татьяна.

Тамара испуганно отдернула руку и только сейчас разглядела, как сильно та похудела. На корнях волос широкой полосой отсвечивала седина, и куда-то подевалась её величественная осанка, как согнулась под невидимой ношей. Таня куталась в большой шерстяной плед, и всё равно казалось, что ей невыносимо холодно и она никогда не может согреться.

– Господи, да что здесь творится?! Ты одна? А где Соня? Она больше не живёт с тобой? – из Тамары сыпались вопросы один за другим.

– Пойдём, сядем на диван... Не могу стоять, голова кружится, – Таня с трудом подбирала слова. – Прости, что вытащила тебя в такое время... Мне вдруг захотелось, чтобы именно ты сегодня была рядом, – она всхлипывала, как маленькая девочка, и это не вязалось с тем, как ужасно она выглядит.

– Странно, но ты единственный человек, с кем я могу говорить обо всём, не стесняясь быть непонятой, хоть нас и

разделяет бездна лет.

Татьяна забралась с ногами на диван, обхватила их руками, притихла и уставилась на портрет, который висел ровно напротив, и неожиданно заговорила, точно сама с собой и Тамары вовсе нет рядом:

– Я заказала его полгода назад у одного знакомого художника. Хотела Соне приятное сделать. Мне сразу портрет не понравился. В нём было что-то нехорошее, и каждый раз я хотела его куда-нибудь задвинуть, чтобы на глаза не попался. Соня, наоборот, находила его милым и говорила, что чувствует явное сходство, словно в зеркало смотрится. Это каждый раз останавливало меня, и я с трудом пыталась привыкнуть к его присутствию в нашем доме. А ведь это было предупреждение! Это был знак! Какие у неё странно печальные глаза, словно предчувствуют беду...

Тома застыла, не в силах оторвать взгляда от картины, и всё ещё надеялась, что это не то, что она подумала.

– Тамара, её убили! Цинично, жестоко!

Татьяна схватилась руками за голову, изо всех сил зажмурила глаза, пытаясь не поверить в реальность сказанного. Тома от неожиданности ахнула, что-то очень больно сжалось в груди.

– Не может быть! Как такое могло случиться? – почти прошептала Тамара, будто это величайшая тайна, которую никто никогда не должен узнать.

Татьяна очнулась и вдруг ровным и безучастным голосом

всё ещё живого человека продолжила свой рассказ:

– Соня познакомилась с мальчиком, ровесником. Он жил по соседству, через два дома. Я видела его пару раз. Впечатления не произвёл – серый, посредственный, заторможенный какой-то... А Соня влюбилась. Может, потому что первый? Не знаю... Ничего особо не насторожило. Наоборот, даже радовалась, что у неё началась своя взрослая жизнь. И страхи отступили, и казалась счастливой, – Татьяна на мгновение замолчала и с трудом выдавила его имя: – Анатолий. У этого чудовища даже есть вполне человеческое имя – Толлик... Я как без Сергея осталась, не могла на месте сидеть. В командировки часто ездила, там как-то легче. Питер чужим стал, словно подвёл меня, предал. Ко многому потеряла интерес, особенно к себе. Верила, что пройдёт... Выкарабкалась, как умела... Знаешь, даже если нет моей вины и это лишь роковая случайность, что Соня познакомилась именно с ним, а не с хорошим парнем, всё равно, ответственность полностью ложится на меня. Я как соучастник или невольный свидетель, который был совсем рядом, только отстранился, смакуя свои иллюзорные страдания.

Я была в Москве три дня, мы созванивались с Соней по несколько раз на день. Улетала домой рано утром. В аэропорту полезла в сумку и поняла, что забыла ключи в Питере, и хотела попросить Соню оставить их у пожилой соседки, та всегда дома. В такое время Соня только-только начинает собираться в университет. Она не подошла к телефону. Звони-

ла и звонила ей, но бесполезно. Больше всего насторожило, что и вечером накануне она тоже не ответила на звонок, хотя с утра мы разговаривали и она никуда не собиралась.

Сразу почувствовала неладное. Названивала, пока ехала из аэропорта, потом колотила в дверь. Вызвала слесаря из жилконторы. Он долго ковырялся, замок не поддавался – пришлось ломать дверь. Думала, ещё чуть-чуть – и потеряю сознание. Не было сил переступить порог собственного дома. Я почему-то была уверена, что там нечто ужасное. Попросила слесаря первым зайти в квартиру. Казалось, его не было целую вечность... Когда он вышел, у него тряслись руки и он не мог произнести ни слова. «Не ходите туда. Надо вызвать милицию», – это всё, что он мог сказать.

Я влетела как сумасшедшая, стала бегать по квартире... Всё было перевёрнуто вверх дном, вещи разбросаны, на кухне тарелки с остатками еды, и этот странный запах. Не смогу его забыть! Я нашла её в ванной комнате. Вернее, увидела её руку, с двумя сломанными ногтями, она торчала из ванной, наполненной водой, а сверху были небрежно накиданы тряпки: бельё, джинсы, полотенца... И опять этот запах! Только на следствии я узнала, что два ублюдка начитались детективных романов и заливали всё уксусом в надежде уничтожить отпечатки пальцев. Их вычислили сразу. Наружка стояла у нашей парадной и вела видеонаблюдение, пасли какого-то наркоторговца. Всё сопоставили, и подозрение сразу упало на двух парней, которые несколько раз заходили в подъезд

и выходили с полными сумками. Анатолия опознали люди из соседних домов. Я не смогла узнать в нём парня-тихоню, который не раз заходил к нам домой, даже пил чай за одним столом, – Татьяна опять притихла на минуту, пытаясь собраться с силами.

– Найти его не составило труда. Он сразу во всём сознался, хотя краденого у него не нашли. Указал на инициатора, Виктора, своего друга, который недавно освободился из заключения за грабёж. В тот день Соня пригласила Анатолия в гости, и он пришёл не один, а с этим Виктором. Тот сам попросился. Почуял добычу! Если бы ты видела, как Анатолий рыдал на суде и твердил, что любил её и у него и в мыслях не было ничего дурного. Они сидели на кухне, Виктор вышел, и через какое-то время следом Соня. Она застала его в спальне, тот рылся в ящиках трюмо и рассовывал всё, что попадалось ценного, по карманам. Соня, со слов Анатолия, сильно кричала, он выбежал на крики и увидел, как Виктор пытается заткнуть ей рот ладонью и вдруг начинает душить и требовать помочь! У неё все руки были в синяках... в ссадинах! Она, видно, сопротивлялась, как могла, до последнего. Родители Анатолия пытались признать его невменяемым, но экспертиза не подтвердила. Он настаивал, что был под влиянием друга и не понимал, что делает, а потом было поздно отступить назад, – Татьяна издала какой-то глухой стон и уткнулась головой в колени. – У меня нет больше слёз. Я их все выплакала. Не знаю, как жить дальше...

Мне так жаль её! Лучше бы мне всё это! Прошло три месяца, а мне кажется, это случилось вчера и так будет всегда, до последнего дня.

Тамаре стало страшно. Ей захотелось вскочить и бежать подальше от этого места. Она то и дело натыкалась взглядом на портрет Сони, и в голове крутились жуткие кадры преступления. Она не могла понять, как Татьяна может здесь жить дальше, ходить в ванную комнату, завтракать на кухне...

– Может, хочешь чаю?.. – Татьяна уже приготовилась сползти с дивана.

– Нет!!! Тебе надо уехать отсюда. Срочно поменять квартиру. Пожить у кого-нибудь, временно... Хочешь, я спрошу у Максима? – ляпнула Тамара, но понимала сама, как отреагирует на это Макс. Скорее всего, не одобрит её порыв. У них и нянька приходящая, ненавидит, когда кто-то из посторонних дома.

– Нет. Я не уеду никуда. Здесь Соня... Я чувствую её... Я ей нужна... – Татьяна сказала это таким тоном, что возражения были бессмысленны, словно она потеряла разум.

– Тебе уже пора, наверно. Извини, иногда мне невыносимо. Я справлюсь, ты не волнуйся. У меня нет родных, нет настоящих подруг... В восемнадцать лет я осталась одна, без родителей. Было трудно, и мне всегда казалось, я всего добилась, чего желала.

Тамара смотрела на Татьяну и вдруг поняла ясно и отчёт-

ливо, что больше всего она сейчас не хочет быть похожей на неё, как мечтала всегда, с самой первой их встречи. Тома просто ушла – крепко обняла её на прощание и ушла.

Она потом несколько раз звонила ей, Татьяна не брала трубку или отвечала, что всё хорошо, и, к счастью, не просила приехать. Тамара суеверно полагала, что горе заразно. Иногда становилось стыдно, и она готова была бросить всё и мчаться на Радищева. Пыл быстро угасал, и она прогоняла все воспоминания об их последней встрече. Жизнь брала своё, и Татьяна совсем затерялась в памяти, и всё, что с ней было связано. Наверное, это была некая защитная реакция: забыть, отстраниться. Слишком тяжелы были мысли о ней.

«Господи! Я уже два часа сижу здесь», – Тамара с трудом поднялась со скамейки, спину ломило, и она чувствовала усталость, как будто сама перемыла внаклонку все полы в доме. Зашла в церковь. Там пахло ладаном, и одинокие старушки в платочках с безучастными лицами молча сидели на лавочках. Она всегда обращала внимание на таких, не от мира сего, женщин и задавалась вопросом: «О чём они думают в эти минуты и как истинна их вера?» В их глазах читалась боль потерь и какая-то необъяснимая уверенность в правильности своего выбора служению Господу.

Тома купила несколько свечей и напрямиком направилась ставить за упокой Таниной и Сониной душ. Что говорить в таких случаях, она не знала, просто представила Таню такой, какую увидела впервые: красивой, уверенной, полной сил...

«Как она жила всё это время? Она ушла в семьдесят... Было ли ещё что-нибудь светлое в её жизни или только жалкое существование стареющей, никому не нужной женщины. Как страшно!» – она поставила свечи за всех близких и ещё долго не могла уйти из этого места защиты и покоя.

Эдик безмятежно спал в машине, на полную откинув сиденье, и не сразу отреагировал на её настойчивые стуки в окно. Обычное раздражение не появилось, лишь глухое равнодушие ко всему, что происходило вокруг. «Завтра же скажу, что уволен... Хватит, натерпелись...»

– Домой! – холодно отчеканила Тамара.

Шарахаться по городу, вызванивая кого-нибудь из подруг, посидеть в ресторане, как было заведено последние лет пять, – желания не было, да и Максим обещал сегодня вернуться с так называемой командировки. Ещё вчера, зная, что он приезжает, она бы и глазом не повела. Приезжает и приезжает. Ей-то какое дело! Сейчас нестерпимо захотелось домой и ещё позвонить Славке, узнать, что у него и как. Судя по времени, уже должен вернуться с тренировки. Набрала несколько раз – телефон вне зоны действия сети. Потом соединился, Слава трубку не взял. Стало непривычно страшно, словно он опять пошёл в первый класс и оторвался от её юбки.

Тогда она и часу не могла прожить, если не была уверена, что с ним всё хорошо и, главное, никто не обижает. Звонила классной каждую перемену и чуть ли не требовала деталь-

ный отчёт. Классная стойко терпела надоедливую мамашу: гимназия частная, и не такое случалось, к разным фантазиям родителей привыкла, не спорила.

Макс, наоборот, вбивал сыну, что надо быть мужиком, не бежать к мамке защиты искать и правосудия, а самому разбираться, если что, и постоять за себя, можно и в морду дать, коли потребуется. Вот здесь и будет у него поддержка семьи, главное, не дрейфить. Тамара была уверена, что такие методы воспитания – от быдловатого детства в провинции, частенько спорила с Максимом, даже до ссор доходило, но дурного слова в её адрес не позволял, ну только если «дура законченная». Сам матерился безбожно, но был убеждён, что матери своего сына нельзя такие слова кидать, недостойно. А в последнее время и это куда-то подевалось, мог и оскорбить, несдержан стал, правда, потом сухо, но извинялся. Она и сама часто нарывалась, нет-нет да и проедется по его любви к лоховству, хотя в большинстве случаев, стиснув зубы, терпела.

То, что у Максима есть вторая семья, она сразу ни секунды не сомневалась: просто так разговоры ходить не будут, и факты неопровержимые у её знакомых имелись. Только ни к чему они ей. Ревность неожиданно с новой разрушительной силой набросилась на Тамару: «Никогда не привыкну! Что я не учла, в чём мой просчёт? Сгубила самоуверенность и тупая вера в здравый разум Максима. Типа: зачем ему искать приключений на задницу, когда всё так по-людски устроено

в доме... И что теперь? Моё мнимое счастье от осознания того, что теперь можно делать, что хочешь, и спать, с кем захочешь, безнадёжно рушится. И было всего лишь горьким утешением моего поражения. Никому по большому счёту я не нужна. Одна ложь кругом!» Перед глазами неотступно маячила Татьяна, то величественная и прекрасная, то жалкая и раздавленная жизнью. Домработница открыла дверь, и она услышала голос сына, который громко доносился из кухни. «Басит, как взрослый мужик!» – Тома улыбнулась и немного успокоилась. Славка вышел в прихожую встречать мать.

– Ты что трубку не берёшь?! Сколько раз просила...

Следом показался Макс. Он был в прекрасном расположении духа и даже радостно приобнял Тамару, потом сильно прижал к себе и смачно чмокнул в щёку. А Слава по своей подростковой застенчивости начал, как обычно, выворачиваться ужом из её объятий с вечным «Ну мам!»

«Семейная идиллия! Кому скажи, что чёрт-те что дома творится, – не поверит!»

– Ты что такая смурая? Устала? Что-то случилось?

– Не в театр же ходила! На похороны... – буркнула Тамара и пошла в гардеробную стягивать доспехи. Максим за ней.

– Может, поужинаем в ресторане?

Он непривычно был внимателен и почти как раньше породному не отводил глаз. «С сучкой своей, скорее всего, разругался! Добренький!» – пыталась злиться Тамара. Не получалось. Она была рада, что он наконец решил провести с

ней вечер. Этого давно уже не случилось: то устал, то нет желания... Ему было неловко находиться с ней один на один. Спать вместе не считалось: завалится, если дома, первый на огромную кровать, ещё одиннадцати нет, и мгновенно заснёт как убитый. Она ночная птичка, до трёх может валяться в гостиной на диване перед телеком, а потом полусонная брести на свою законную половину. А рано утром его и след простыл. И так каждый день, без исключения, и стало привычно, вроде всегда так и было.

Хотелось немного подремать, заснуть не получалось. Она долго ворочалась, мысли неустанно крутились вокруг Татьяны и Сони. Да так навязчиво, что становилось страшно, и она впервые подумала о будущем, не как обычно, на авось, что всё устроится, а с безнадёжной тревогой. Тревога теснилась в груди, казалось, она так велика, что ей не хватает места, но уходить не собирается и будет мучить её бесконечно, и не так-то легко будет найти спасение, хоть бери и вырезай ножом больное место.

Промаявшись пару часов, она с трудом вылезла из-под одеяла. Пора собираться! Ей захотелось быть сегодня необыкновенной, загадочно красивой и немного дерзкой. Максим со Славкой смотрели какой-то футбольный матч, и никто не пытался ей мешать. Она долго стояла под душем, потом, замотав голову белоснежным полотенцем, нашла спасательную чудо-маску. Тамара разглядывала себя в зеркало и почти была довольна своим отражением. С возрас-

том она стала гораздо интересней. Моложе – нет, но эффективней и уверенней. Ну не девочка, так что теперь, вешаться?! Лучше уже не будет, пока и так терпимо. Захотелось чего-нибудь яркого, и она отыскала забытое красное платье с глубоким вырезом на спине. Укладывать волосы не стала, заколола наверх, ей шло, когда она открывала лицо, Макс не раз отмечал, что такая причёска его любимая. Недолго думая, накрасила губы сочной помадой в цвет платья для полноты и убедительности образа и вытащила из шкафа убийственные туфли на высоченной шпильке. «Ничего, мне только до машины доковылять и до ресторана. Выдержу!»

– Я готова...

Тамара вышла на середину гостиной, упёрлась руками в бока, так выигрышной смотрелся силуэт платья, и сделала несколько шагов в духе бывалой манекенщицы.

– Как я вам?

Макс восторженно присвистнул. Славик, не отрывая головы от телека, показал два пальца, знак победы.

– Ну ты даёшь! Это куда мне тебя такую вести?! Я думал, посидим где-нибудь по-тихому. А ты вон как вырядилась! Мне что, тоже пойти костюм надеть?

Славик лыбился детской ехидной улыбкой.

– У вас что, романтическое свидание? Ну вы кадры, конечно!

Они поехали в роскошный II Lago на Крестовском острове. В субботу там, как обычно, полно народу, и Тамаре было

вдвойне приятно, что за соседним столом сидела кучка знакомых баб из тусовки, которые точно знали, что творится у неё в личной жизни, и оттого всё время пялили свои округлившиеся от удивления глаза на роскошную пару и их милейшие отношения. Тамара делала вид, что не замечает их, тянула второй «Беллини» и всё больше пьянела. В полумраке зала пианист тихо наигрывал знакомые мелодии. Она то и дело поглядывала в огромное панорамное окно, где темнела гладь Лебяжьего озера, утопающего в зелени, и вдруг неожиданно сказала:

– Пригласи меня на танец...

– Здесь не танцуют! И какой из меня танцор... Скажешь тоже! – Максим засмеялся.

– Я вдруг поняла, что мы никогда не танцевали с тобой. У нас не было свадьбы. Не было медового месяца, и мы не ездили в свадебное путешествие. Максим, у нас с тобой столько всего не было... – она с трудом сдерживала слёзы, ей стало обидно, что она никогда об этом не задумывалась. И вот вдруг именно сегодня.

– Ну в свадебное не ездили. А что, разве никуда не ездили? И на море, и на острова... А в Европу? Да где мы только не были! – Максим тоже недовольно уставился в окно, как обиженный мальчишка, которого незаслуженно хотели в чём-то уличить.

– Скажи честно. Ты хотел меня когда-нибудь бросить? Только как есть скажи. Не лги. Мне очень надо знать правду.

– Том! Да что с тобой сегодня?! – он растерялся, разговор был явно неожиданный и совсем для него не приятный. Не мог же он сказать, что в Москве у него растут две маленькие девчушки и их мать постоянно пьёт его кровь и требует развода. А он вконец запутался и не знает, что делать. И страшно тоскует по тем временам, когда было всё по-другому и ему не приходилось лгать и изворачиваться. Вдруг Тамара, несмотря на то что кругом полно людей, сильно схватила его за рукав пиджака, потянула к себе и начала реветь в голос. От неожиданности он сначала дико смутился, понимая, что сейчас всё внимание зала – на их ненормальную парочку. Тома твердила и твердила, как заклинание, одно и то же:

– Если ты бросишь меня, я пропаду... Я пропаду, Макс! Ты слышишь меня?! Я пропаду...

Ему больше не было стыдно, что на них смотрит весь ресторан. В конце концов, это их жизнь, и никому не должно быть до неё дела. Томка выглядела такой родной и трогательной, особенно эта дурацкая помада, которую она успела размазать по подбородку. Максим медленно встал, выпрямился, как солдат на параде, и манерно протянул ей руку.

– Позвольте пригласить вас на танец, сударыня! Вы всегда казались мне такой неприступной. Но всегда чертовски привлекательной!

Тамара, чуть шатаясь от выпитого шампанского, как могла красиво вышла из-за стола. Она еле сдержалась, чтобы не засмеяться, вспомнив, что на ногах у неё долбаные шпиль-

ки, в которых, по всей видимости, долго продержаться всё-таки не получится. Тамара сделала шаг навстречу Максиму и подала руку... За соседним столом, всё также вылупив глаза, сидели знакомые Томкины бабы, и по губам одной она отчётливо прочитала: «Счастливая!»

Гази из Кизляра

День первый – первый приём.

В дверь кабинета робко постучали. Показалась женская голова с распущенными волосами странного окраса, что-то похожее на цвет ржавчины вперемешку с сединой.

– Можно? Спросила нелепая голова и глупо уставилась на Ольгу, не решаясь войти.

– Конечно, можно. Вы что, не заметили зелёную лампочку? Проходите, раздевайтесь. Карточку взяли в регистратуре?

Женщина поставила в угол при входе нечто похожее на чемоданчик на колёсиках и сверху водрузила огромную, в бело-голубую полоску сумку челночника с изрядно потрёпанными углами. Виновато улыбаясь, протянула медкарту, немного помялась в надежде найти ширму, которой явно не предполагалось, отвернулась и быстро начала раздеваться. Было очевидно, что ей очень неловко, даже стыдно, и она, как пингвин, сутулила спину, втягивая шею по самые плечи. «Словно впервые на массаж пришла! Чудная!» – подумала Оля и прочитала вслух назначение врача:

– Екатерина Михайловна Смирнова. Пять массажей через день. Остеохондроз. Так... Ложитесь на стол животом вниз, руки вдоль туловища.

Всё в этой необычной женщине казалось нелогичным и неправильным: и странно подведённые глаза чёрным, как уголь, карандашом, и нелепая морковная помада на помятом лице. «Пятьдесят восемь, а на вид гораздо старше», – поморщилась Ольга, вспомнив, что ей в этом году стукнет сорок пять. В целом дамочка не производила впечатления законченной чушки и, слава богу, плохо не пахла. А то попадались некоторые! «Странно, что люди не чувствуют собственного запаха! Но есть же в конце концов друзья, знакомые. С другой стороны, как скажешь? Порой очень непри-

ятно, терпишь. Издержки профессии. Интересно, она симпатичная была в молодости? Скорее, не сильно раскрасавица. Хотя возраст творит такие метаморфозы с человеческой внешностью, впору только удивляться! Может, и миленькая была. Глаза-то какие – голубые-голубые, чисто васильки. Вот мама, например. Мужики по стойке смирно стояли, когда мимо проходила. А потом! Куда вся красота подевалась? Но всё равно, если сравнивать, мама лучше выглядела! И что это я к этой женщине прицепилась, ещё и мать покойную приплела».

Екатерина Михайловна, тихонько кряхтя, залегла на массажный стол ровно как велено, на живот.

– Очень уж спина болит последнее время. Сил нет! Заснуть не могу. Вроде и грыж не обнаружили, а болит не переставая.

Спина у неё действительно была подзапущена – каменная и одни тяжи. Ольга свою работу хорошо знает. Сначала училище медицинское окончила, потом в массажистки переквалифицировалась. И восемь последних лет на одном месте пашет, в поликлинике номер 38 Центрального района города Санкт-Петербурга. А так и на халтурку по выходным сбегает: кому массаж, кому капельницу. Мечтала когда-то Первый мед окончить, да, видно, умом не вышла. Пару раз экзамены завалила и плюнула. Руки хорошие, а башка не дотягивает. Не всем же врачами становиться! Екатерина Михайловна тихонечко постанывала под её сильными руками. «Терпели-

вая женщина, стойкая. Без нюнь всяких».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.